

Ю. Л. Михайлова

Переворот 17 декабря 1926 года в Литве в беседах советских и латвийских дипломатов и политиков: взгляд из Риги*

В ночь с 16 на 17 декабря 1926 г. в Каунасе силами военных был совершен государственный переворот — первый в серии установления авторитарных режимов в странах Балтии в межвоенный период и положивший начало кардинальным политическим переменам в стране. Коалиция народников (ляудининков) и социал-демократов под руководством М. Слежевичюса¹ пробыла у власти всего несколько месяцев, но, как пишет историк П. Лоссовски², сделала немало на пути демократизации страны — это и снятие военного положения на большей части территории Литвы, и смягчение политики по отношению к национальным меньшинствам, и принятие законов, направленных на демократизацию печати и образования. Однако курс левоцентристского правительства встретил резко негативное отношение в кругах союза националистов (таутининков). Помимо внутренних мер новое правительство пошло на союз с Советской Россией — 28 сентября 1926 г. был подписан советско-литовский договор о ненападении, что также вызвало возмущение правых. Был подготовлен военный заговор, в результате которого свергли правительство и президента К. Гринюса³, приостановили работу Сейма. Лидер националистов А. Сметона⁴ по заранее подготовленному сценарию принял предложение возглавить государство, должность премьера занял А. Вольдемарас⁵.

Михайлова Юлия Леонидовна

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия)

По мере стабилизации режима становилось очевидным стремление новой власти к установлению диктатуры. После роспуска А. Сметоной Сейма 12 апреля 1927 г. парламентская демократия в Литве была свернута и переворот доведен таким образом до логического финала⁶. В первые дни после свержения К. Гринюса и установления власти А. Сметоны в соседних балтийских государствах напряженно следили за развитием событий в Литве.

В Латвии переворот вызвал большой резонанс. Непосредственная близость к месту событий всколыхнула и высшие политические круги, и общество в целом. Уже в вечерних газетах (например, в приложении к русскоязычной газете «Сегодня» — вечернем выпуске «Сегодня вечером») появилась первая, основанная преимущественно на слухах и отчасти домыслах информация о событиях в Литве. Сведения были неполны, подчеркивалось, что связь прервана, и в качестве источника информации использовали в том числе рассказы пассажиров, прибывших из Шяуляя и Каунаса⁷. 18 декабря ситуация стала немного яснее, в газетах появилась первая фактическая информация о свержении правительства, отставке президента, введении военного положения и пр.⁸

Советские дипломаты — сотрудники полпредства в Риге обязаны были реагировать на любые изменения в политической обстановке и своевременно составлять политические отчеты. Основные обязанности по выяснению обстоятельств событий в Литве в этот период легли на поверенного в делах в СССР в Латвии С. И. Боркусевича и генконсула В. И. Шеншева, что отражено в записях бесед с представителями различных латвийских политических кругов, выполненных генконсулом, а также в донесениях в Народный комиссариат иностранных дел (далее — НКВД).

Уже 17 декабря во второй половине дня Боркусевич нанес визит в МИД Латвии и отметил «царившую там форменную панику» — служащие были взбудоражены, корреспонденты газет осаждали министерство в надежде получить сведения о происшедшем⁹. Как пишет историк Э. Екабсонс, латвийский посол в Литве А. Балодис¹⁰ тщетно пытался дозвониться в МИД Латвии и лишь к вечеру отправил с поездом отчет о том, что случилось, — это были первые сведения, неполные, составленные в том числе на впечатлениях от увиденного собственными глазами и основанные на слухах¹¹. Сотрудники советского полпредства также не обладали какой-либо точной информацией о том, что произошло в Литве. Беседы с политиками и чиновниками были направлены на то, чтобы получить сведения о перевороте и составить представление о реакции на него в политическом и общественном мнении Латвии.

Одним из основных для советских дипломатов был вопрос о том, кто является организатором переворота. И здесь невозможно было не принимать во внимание предшествующую политику СССР по отношению к странам Балтии и Польше. Как отмечают О. Кен и А. Рупасов, советское руководство стремилось «отделить» малые страны от Польши, и в феврале 1926 г. Политбюро приняло решение начать переговоры с Эстонией, Литвой и Латвией о заключении соглашения о ненападении¹². Весной 1926 г. на заседании Коллегии НКВД в очередной раз было принято решение начать политический зондаж по ведению сепаратных (или коллективных, в зависимости от готовности правительств этих государств) переговоров Литвой,

Латвией и Эстонией — с целью «вырвать инициативу и почву из-под ног Польши в прибалтийском вопросе»¹³. С лета 1926 г. советские политики и дипломаты чутко реагировали на внешнеполитический курс Варшавы, не исключая возможности того, что правительство Пилсудского предпримет жесткие шаги, вплоть до военного вмешательства, для разрешения литовской проблемы и разрыва переговоров с СССР¹⁴. Поэтому советская дипломатия перешла к форсированию переговоров с Литвой. 28 сентября 1926 г. был подписан договор о ненападении между СССР и Литвой, имевший большой международный резонанс, в частности в связи с определением позиции Союза по виленскому вопросу: ст. 1 договора подтверждала, что основой определения границ Литвы являются постановления мирного договора между Россией и Литвой, достигнутые 12 июля 1920 г. При подписании договора стороны также обменялись нотами; в советской указывалось, что фактическое положение границ не влияет на отношение СССР к территориальному суверенитету Литвы¹⁵.

Все это создавало условия для дополнительной напряженности в регионе, поэтому поверенный в делах СССР в Латвии С. И. Боркусевич в своих беседах с представителями различных латвийских политических кругов поднимал прежде всего вопрос о возможном участии Польши в литовских событиях. Как отмечал советский дипломат, в первый момент он подумал, «что в Ковно¹⁶ произошел польский путч»¹⁷. В донесении в НКВД от 18 декабря сообщалось: переворот стал результатом политики Пилсудского, который стремился привести в Литве к власти силы, лояльные Польше, а офицеры, его осуществившие, находились под влиянием польских агентов¹⁸.

Согласно записям в дневнике С. И. Боркусевича, одним из первых, с кем состоялась беседа по вопросу о событиях в Каунасе, был К. Улманис¹⁹, который в тот день завершал свой первый срок на посту министра иностранных дел. Он же стал первым, кто столкнулся с прямым вопросом советского дипломата: «Что же, это польское вмешательство?» Улманис в разговоре с Боркусевичем перешел в наступление, нимало не поддержав польскую версию. Напротив, в качестве основной возможной причины военного переворота он назвал заключение советско-литовского договора, намекая на то, что левое правительство в Литве своей деятельностью само спровоцировало выступление правых и националистов²⁰. Тем не менее Боркусевич в первые дни продолжал зондировать почву и в неофициальных доверительных беседах не раз подчеркивал: «Полпредство считает... что путч произведен поляками, давшими деньги на организацию... военной клике и что, по-видимому, Вальдемарас и Сметона... вовлечены в это дело обманом»²¹.

Последняя ремарка важна и отражает отношение к лидерам таутининков на тот момент: несмотря на свержение левого правительства и ярко выраженную ультраправую позицию заговорщиков, Сметону и Вальдемараса не считали враждебными фигурами. Современные исследования показывают²², что Сметона имел связи с советским полпредством, обсуждал с его представителями вопросы внутренней и внешней политики Литвы, в том числе формулировки советско-литовского договора как гарантии от посягательств Польши²³. Советское руководство считало полезным оказывать поддержку этой влиятельной партии. Поэтому сразу же после известий о перевороте Сметону не воспринимали как его главного

инициатора и как врага. Первый секретарь полпредства в Литве Д. Э. Скалов записал в своем дневнике, что «Сметона скорее пленник, нежели повелитель окружающей его право-фашистской офицерской банды»²⁴, и эта же точка зрения поддерживалась в Риге: Сметону и Вольдемараса, как предполагалось, использовали «ввиду их авторитета», но считали, что они не удержатся у власти, которую перехватят представители Литовской христианско-демократической партии²⁵, склоняющиеся под влиянием левого движения в Литве к союзу с Польшей²⁶. Прогноз на то, что Вольдемарас будет смещен и в Литве в скором времени будет образовано «чисто хадековское правительство», как известно, оправдался с точностью до наоборот: в мае 1927 г. Христианские демократы были из правительства исключены, а в 1936 г. партию запретили.

Следует признать, что среди представителей латвийских политических кругов и дипломатического корпуса, с которыми имел беседы советский дипломат в Риге (по крайней мере тех, чьи высказывания были зафиксированы в дневниках и донесениях), польская версия не поддерживалась²⁷. В частности, Юлиус Сельямаа²⁸, посол Эстонии в Латвии, считал маловероятным, «чтобы Польша вмешалась в литовские дела», так как это означало бы резкое ухудшение отношений с Советским Союзом и Германией²⁹. Латвийская политическая элита с большим энтузиазмом выдвигала версию о немецком участии в перевороте, делая акцент и на региональную специфику: ультраправые в Восточной Пруссии отреагировали на активную деятельность левоцентристского правительства в соседней Литве, чему в том числе способствовало выступление в сейме представителя социал-демократической партии С. Кайриса³⁰, где он сообщил о намерении его партии взять в скором времени власть. Версии о том, что «литовский переворот устроили немцы», придерживались представители латвийских социал-демократов, особенно Ф. Циеленс³¹, а также Б. Калныньш³². Циеленс в разговорах не раз подчеркивал, что немцы заинтересованы в подобной провокации — с целью не допустить польско-литовского примирения³³, а также намекал на особую заинтересованность Восточной Пруссии в этом вопросе³⁴. Даже немецкий посланник А. Кестер³⁵ «не отрицал возможности участия прусских фашистов в организации путча»³⁶, безусловно отделяя «прусских фашистов» от официальной Германии.

В обсуждениях возможного немецкого «вклада» в осуществлении переворота всплыл к тому моменту формально решенный мемельский (клайпедский) вопрос. Боркусевич, продвигая польскую версию и сомневаясь в немецкой, не удержался от провокации и поинтересовался у Кестера, почему, если он допускает мысль об участии прусских немцев в путче, «мемельские немцы... не догадались объявить Мемель присоединенным к Пруссии»³⁷. Конечно, это было бестактностью, порядком смутившей немецкого посланника. Формально вопрос о принадлежности Клайпедского края был решен Антантой двумя годами ранее — 8 мая 1924 г. была подписана Клайпедская конвенция, по которой Клайпедский край был признан автономной единицей в составе Литвы. Однако территория эта продолжала восприниматься как сфера немецких интересов, как земли, которые рано или поздно возвратятся в состав Германии. Местное немецкое население связывало свое будущее с Германией, местные же литовцы и во время Клайпедского восстания, которое началось в январе 1923 г. и было направлено на отторжение края в пользу

Литвы, оставались пассивны и почти не поддерживали «повстанцев», присланных из Литвы, и после присоединения были уверены, что рано или поздно вернуться в Германию³⁸. В ходе дальнейшего управления Клайпедский край не удалось полностью интегрировать — центральные власти наталкивались на противодействие со стороны местных властей³⁹. После переворота 1926 г. литовские власти ввели в Клайпедском крае военное положение, запретили немецкие партии, а 22 января 1927 г. распустили сеймик — орган местного самоуправления, вплоть до новых выборов, которые состоялись лишь 30 августа. Некоторые представители немецкой элиты края были арестованы, предпринимались попытки литуанизации края. А. Кестер в разговоре с Боркусевичем в связи с этим отмечал, что первое время прусские газеты писали «в весьма доброжелательном духе» о событиях в Литве и, лишь выяснив позицию нового правительства по отношению к мемельским немцам, стали «писать о путче недоброжелательно»⁴⁰. Для советского же представителя, поднявшего вопрос о принадлежности Клайпедского края, в беседе было важно выяснить, насколько сильны пронемецкие настроения в этом регионе и как к этому относится немецкое правительство. Кестеру ничего не оставалось, как подчеркнуть, что «мемельские немцы всегда будут действовать в пределах строгой лояльности»⁴¹, после чего он предпочел заговорить о вещах, более актуальных для Риги в связи с событиями в Каунасе.

Другой значимой проблемой, которую сотрудники советского полпредства поднимали в беседах с представителями латвийских кругов, был вопрос о том, возможен ли подобный правый переворот в самой Риге в обозримом будущем. Здесь было важно выяснить позиции разных политических групп, однако круг общения сотрудников советского полпредства был все же ограничен — никаких прямых контактов с ультраправыми, разумеется, не было, поэтому в донесения попадали лишь записи бесед с социал-демократами, представителями дипкорпуса (немецким, эстонским посланниками и др.), а также имеются ссылки на сведения, полученные от секретных информаторов.

Правые в Латвии действительно в эти дни примеряли на себя возможность развития сценария наподобие литовского. По агентурным сведениям, попавшим в советское полпредство, националисты рассматривали как возможного главу переворота депутата от Национального объединения К. Тютиса⁴² и обращались к нему с подобным предложением, однако тот, сославшись на то, что «у правых нет особенных сил, предложил пока от выступления воздержаться»⁴³. Кроме того, в качестве возможных лидеров путча в агентурных сведениях назывались собственно глава Национального объединения А. Бергс⁴⁴ и К. Улманис⁴⁵. Последний, как отмечалось, если и не выдвигался на роль организатора немедленного переворота, то использовал литовский переворот для оказания давления на социал-демократическое правительство и «сделал все от него зависящее, чтобы запугать левых возможностью правого путча»⁴⁶.

В латвийской политической среде возможность переворота, аналогичного литовскому, волновала, разумеется, прежде всего социал-демократов, которые в декабре 1926 г. как раз пришли к власти, сформировав парламентскую коалицию с меньшевиками, Демократическим центром, союзом младокрестьян и латгальской партией сельхозрабочих. Коалиция была шаткой, приходилось противостоять

правой оппозиции — влиятельному Крестьянскому союзу, и внутри самой партии не было единства. Левое крыло партии подвергало критике ее действия. Так, в беседе с полпредом С. И. Араловым 21 декабря 1926 г. Ф. Мендерс⁴⁷ доказывал слабость социал-демократов, их неспособность «развить активную политику» и полагал, что «от первого решительного действия они полетят или парламентским путем, или путем фашистского переворота, что они окружены враждебной атмосферой и за ними следит аппарат внутренней охраны»⁴⁸.

Прогнозы других представителей латвийской политической общественности были более спокойными — выступлений в Латвии ожидать в ближайшие дни не следует по ряду причин. Несмотря на то что каунасские события вызвали оживление и обсуждения в латвийских правых кругах, лидера, готового немедленно возглавить переворот, не было. Бергс, в частности, указывал на несвоевременность выступления, необходимость тщательной подготовки и «создания подходящей обстановки для путча», а попросту говоря, надлежащего повода, например если будет подписан гарантийный договор с СССР⁴⁹. Кроме того, по признанию многих, общая граница с Советским Союзом — значимый фактор, который влияет на решительность латвийских националистов. Как отмечал уже упоминавшийся немецкий посланник А. Кестер, «правые... чрезвычайно боятся, чтобы при каком-либо военном перевороте... не была бы объявлена Латвийская советская республика»⁵⁰. Возможность поддержки со стороны СССР не отрицалась и в латвийской политической среде, — в частности, в разговоре с Боркусевичем Т. Рудзитис⁵¹ высказывал мысль, что «в случае нападения на социал-демократическое правительство... последнее может обратиться к нам (к СССР. — Ю. М.) за защитой»⁵². Но и он считал, что к ряду «особых причин», способных подтолкнуть правых к решительным действиям, следует отнести возможное подписание гарантийного договора с СССР.

В донесении, которое ушло в Москву в конце декабря, основной упор делался не на записи бесед с политиками и дипломатами, а на сведения, полученные от информатора, чье имя не раскрывалось. Наибольшее внимание было уделено теме возможного правого переворота в Риге. В качестве предполагаемых диктаторов были названы имена К. Улманиса и А. Бергса (неопределенность объяснялась тем, что кандидатуру Улманиса «некоторая часть офицерства полагала... неподходящей»⁵³). Однако именно Улманис, по донесению агента, принимал самое деятельное участие в организации такого путча, а промедление можно объяснить тем, что в рядах правых отсутствует единое мнение по поводу того, кто же все-таки его возглавит — К. Улманис или А. Бергс. Военное обеспечение возможного переворота гарантируют айзсарги⁵⁴, а также штаб генерала П. Радзиньша⁵⁵, командующего Латвийскими вооруженными силами. Информатор подчеркивал, что переворот в Латвии «будет во что бы то ни стало», это лишь вопрос времени, а окончательный срок напрямую зависит от политики правящего кабинета — будут ли проведены реформы в армии, реорганизация Министерства внутренних дел и вообще «резкие меры» во внутренней политике⁵⁶. Сведения агента приняты в советском полпредстве всерьез, поэтому из НКВД были запрошены инструкции на случай, если путч произойдет в ближайшие дни, в том числе был поднят вопрос о необходимости вывезти архив полпредства в Москву⁵⁷. В начале января 1927 г.

в полпредстве прошло совещание, посвященное вероятному перевороту, где было принято решение разработать оборонительный план⁵⁸.

Вопрос о возможном правом (или фашистском, как его именовали не только советские дипломаты, но и различные общественные круги⁵⁹) перевороте волновал и широкую общественность. Уже на следующий день, 18 декабря, в газете «Сегодня» наряду с информационными сообщениями вышла и небольшая аналитическая заметка «Возможны ли фашистские выступления в Латвии», в которой интервью взяли у некоторых представителей городских властей и политической общественности с целью успокоить население. Комендант Риги подчеркивал: «Общее положение страны и политические настроения в армии настолько устойчивы, что путчистские стремления не могут найти в ней никакого отклика. Я уверен, что даже создание левого правительства не может возбудить никаких опасений за нашу армию»⁶⁰. Отмечались, как видим, и политическая стабильность в армии, и полный контроль над ультраправыми и националистами, и то, что мир при левом правительстве будет сохранен⁶¹. Последнее замечание было немаловажным — ЛСДРП, как уже говорилось, находилась у власти с декабря 1926 г. по январь 1928 г.⁶² Однако сами «фашисты» сочли своим долгом высказаться и заявить о том, что литовский переворот — естественное следствие предшествующей политики левого правительства. В этом же номере газеты была помещена небольшая заметка — интервью с председателем Латвийского национального клуба Я. Приеде, который признался, что давно ожидал такого выступления от «литовских коллег» и что повод для подобных переворотов всегда найдется там, «где будут левые правительства»⁶³.

У литовских событий было немало сочувствующих и помимо ультраправых. Так, в газете *Rīgas Ziņas* («Рижские новости») в нескольких статьях акцент сознательно делался на определенных моментах. Во-первых, подчеркивались заявления, сделанные непосредственным организатором переворота П. Плехавичюсом⁶⁴ о том, что армия накануне обладала сведениями о готовящемся в Литве большевистском путче, и поэтому военные без промедления выступили, чтобы «спасти Родину»⁶⁵. Во-вторых, активно проводилась мысль о том, что прежнее правительство само спровоцировало переворот, ориентируясь в своей политике «на все русское»⁶⁶. В-третьих, в статьях, посвященных Литве, неизменно акцентировалось внимание на том, что переворот произошел быстро, бескровно (сообщая о казни руководителей компартии Литвы десятью днями позднее, *Rīgas Ziņas* ограничилась краткой заметкой в шесть строк⁶⁷), большая часть армии сразу поддержала его, положение нового правительства стабилизируется и, несмотря на введение военного положения, на территории всей страны беспорядков не наблюдается⁶⁸. Таким образом, читателя подводили к мысли о том, что подобный способ смены власти, особенно если имеются соответствующие условия, не влечет за собой серьезных социальных потрясений, не влияет на жизнь простых граждан, а установление твердой власти лишь способствует политической стабильности. В газете «Сегодня» было опубликовано интервью с военным министром А. Меркисом⁶⁹, где эти тезисы были суммированы⁷⁰, а также с А. Вольдемарасом, который заявил о необходимости внесения изменений в конституцию, «чтобы дать правительству необходимую дееспособность»⁷¹.

В начале января эту тему продолжила газета *Brīvā Tēvijā* («Свободное Отечество»). Подводя итог событиям уходящего года, она писала, что национальная диктатура, установившаяся в некоторых странах, содействует укреплению государств и обеспечению мира — всякое государство может только тогда надеяться на внешний мир, если его судьбой будет руководить сильная национальная власть. И то, что Сейм в Литве до сих пор не распущен, ставилось новому правительству не в заслугу, а в вину, ведь оно «остановилось на полпути», в то время когда народ «требуется новых форм государственного строя» и период парламентаризма пережит⁷².

В газете *Sociāldemokrāts* («Социал-демократ») — печатном органе ЛСДРП сразу же после литовских событий вышла статья, призывавшая латвийский рабочий класс объединяться и противостоять фашистским настроениям, «крепить работу по всем направлениям» — в партийных и профсоюзных организациях, в рабочих спортивных и охранных обществах. Тон статьи был возвышенным и даже угрожающим по отношению к сочувствующим перевороту, в частности к *Rīgas Ziņas*, свержение демократического режима в Литве признавалось неудачей, из которой рабочему классу следует извлечь самые серьезные уроки⁷³. Донесение Б. С. Стомонякову от 22 декабря 1926 г. по этому поводу основывалось на записях бесед с латвийскими социал-демократами и публикациях в *Sociāldemokrāts*: «На эсдеков сильно повлиял литовский переворот, и особенно те слухи... что и в Латвии готовится такой же переворот... Эти разговоры и слухи действуют на эсдеков чрезвычайно разлагающе, они окончательно потеряли голову и выступление «Социал-Демократа» по этому поводу напоминает лай беззубой собаки. Мендерс и Лоренц откровенно мне говорили, что они боятся ходить к нам, что за ними следят и что лучше видеться где-нибудь на нейтральном месте»⁷⁴.

Несмотря на такую пренебрежительную оценку, опасения самой сочувствующей партии Латвии советская дипломатия не могла не принимать во внимание. Внутри партии существовала группировка, дружественная политике Москвы⁷⁵: Ф. Мендерс, Б. Калныньш, К. Лоренц⁷⁶, А. Бушевиц⁷⁷. С этими представителями ЛСДРП у полпредства были налажены тесные связи, в первые дни они постоянно обменивались информацией. Как писал Боркусевич, Бруно Калныньш согласился еженедельно предоставлять советскому полпредству информацию о действиях правых кругов. По его словам, социал-демократы предпринимали максимум усилий, «чтобы возможно полнее ознакомляться с целями и намерениями правых», а также информировать об этом полпредство⁷⁸. Латвийские социал-демократы даже рассчитывали на помощь советского полпредства в случае возможного путча, — так, К. Лоренц просил уверений, что социал-демократы найдут укрытие в стенах советского полпредства, если случится переворот⁷⁹, а в частных беседах Ф. Мендерс и А. Бушевиц договаривались и до того, «чтобы объявить в случае военного путча Советскую Латвию», на что полпредству приходилось реагировать весьма сдержанно — специальных указаний из НКВД на этот счет у советских дипломатов не было⁸⁰. Оценивая обстановку в Латвии и принимая во внимание как панику в среде социал-демократов, так и агентурные материалы, отмечающие некоторое оживление среди правых — А. Бергса, генералов П. Радзиньша, Э. Айре⁸¹, которых считали способными выступить организаторами переворота, подобного

литовскому, — сам Боркусевич не склонен был полагать, что такие события могут случиться в Латвии в ближайшие дни. Однако он считал необходимым запросить инструкции и высказать личную точку зрения по поводу возможной советской реакции на путч: скоропалительное провозглашение Советской власти в Латвии при слабости социал-демократического правительства может лишь спровоцировать войну⁸².

* * *

События 17 декабря 1926 г. в Литве оказали влияние на формирование советской политической линии и в Латвии. С 1925 г. выработывалась позиция СССР по вопросу о заключении политического и торгового альянса с этой страной. Удавшийся переворот и свертывание парламентской демократии в Литве дали советским дипломатам дополнительную убежденность в том, что гарантийный пакт должен быть подкреплён «широким экономическим договором», укреплением торговых отношений, предоставлением Латвии выгодных экономических заказов с целью создать прочную основу для двусторонних отношений, в том числе чтобы иметь возможность «при каком-либо фашистском перевороте... выступить против»⁸³. И хотя формально советская сторона прилагала усилия, чтобы не допустить прямой зависимости заключения политического пакта от выгод экономического договора⁸⁴, план провести в жизнь сначала политическое, а потом экономическое соглашение, как известно, не был осуществлён.

Сразу после литовских событий в уже упоминавшемся донесении Б. С. Стомякову от 22 декабря содержалась оценка позиции левого правительства по вопросу о заключении гарантийного договора с Москвой. Как отмечалось, левая группировка социал-демократов (т. е. Мендерс, Лоренц, Бушевиц) «выпустила инициативу от себя» и не чувствует себя уверенно⁸⁵. Несмотря на то что именно с ними часто шли неофициальные беседы, в которых советские дипломаты пытались провести главную мысль — сначала гарантийный договор, а потом широкое экономическое соглашение, — С. И. Аралов в дневнике констатировал: эта группа «заблудилась в трех соснах», во многом и из-за литовских событий⁸⁶. Остальная же часть партии считает выгодной смычку с центром и «надеется... надолго задержать подписание с нами договора»⁸⁷. И хотя советско-латвийский договор о гарантиях был парафирован 9 марта 1927 г., впоследствии он не был ратифицирован латвийской стороной и в силу не вступил.

Поэтому в процессе переговоров с латвийским правительством — социал-демократическим кабинетом М. Скуениекса⁸⁸ — о заключении торгового соглашения советская сторона в то же время вынуждена была ориентироваться и на правую оппозицию, т. е. представителей Крестьянского союза Латвии. Предпринимались определенные усилия, чтобы сделать торговый договор привлекательным для членов этой влиятельной партии. В феврале 1927 г., обсуждая с лидерами Крестьянского союза предстоящие переговоры в Москве, советский торгпред И. В. Шевцов транслировал желание Москвы — «видеть в Москве небольшую, но авторитетную делегацию, среди которой особенно желательно присутствие господина Кливе⁸⁹, не только как руководителя определенной политической партии, имеющей в стране определенную базу, но и как человека, которого Москва

знает и который в случае нашей договоренности сможет при поддержке своей партии в дальнейшем углубить наши взаимоотношения»⁹⁰. Желание сотрудничать с представителями Крестьянского союза неизменно сохранялось и в дальнейшем. В апреле 1927 г. Б. С. Стомоняков в письме А. И. Микояну подчеркивал необходимость проявить внимание к фирмам, «близким к Ульманису и Кливе», и закупить у них автомобилей и других товаров на сумму в 50 тыс. руб., что «сыграет большую роль при определении позиции Кливе и Ульманиса в отношении экономической делегации»⁹¹. Тогда же, чтобы стимулировать интерес к торговому сотрудничеству, Микояном была учреждена специальная комиссия для проработки вопроса о создании специальных смешанных торговых обществ с целью реализации советских экспортных товаров в Латвии. Как предполагалось, в их правлениях должны были принять участие «видные латвийские общественные деятели»⁹². Кливе в разговорах с торгпредом И. В. Шевцовым заявлял о желании принять участие в работе одного из таких обществ, а также о необходимости давать заказы «тем лицам, которые они укажут»⁹³.

Торговый договор с Латвией был заключен 2 июня 1927 г.; он предоставил обеим странам возможности для расширения двусторонней торговли, а также для улучшения политических отношений. Выгоды от него получили в том числе представители правого Крестьянского союза; таким образом, определенные уроки из событий в Каунасе на тот момент были извлечены.

* Статья подготовлена в рамках проекта Минобрнауки России № 33.4122.2017/ПЧ. («Международные комиссии историков: современные подходы в исторических исследованиях, изучении и преподавании истории в России и мире»).

¹ *Миколаас Слезевичюс* (1882–1939) — литовский государственный деятель, член Сейма, в июле — декабре 1926 г. — глава правящего кабинета, министр юстиции и министр иностранных дел Литвы. После переворота 17 декабря оставался одним из руководителей оппозиции.

² *Лоссовски П.* Балтийские государства в 1918–1940 гг. // *Страны Балтии и Россия. Общества и государства* / отв. ред. Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. М., 2002. С. 185–187.

³ *Казис Гринюс* (1866–1950) — литовский государственный деятель, в 1920–1922 гг. — премьер-министр Литвы, в июне — декабре 1926 г. — президент Литвы, после переворота смещен с поста, работал в медицинских и благотворительных организациях.

⁴ *Антанас Сметона* (1874–1944) — литовский государственный деятель, в 1919–1920 и 1926–1940 гг. — президент Литвы.

⁵ *Аугустинас Вольдемарас* (1883–1942) — литовский политический и государственный деятель, премьер-министр Литвы в 1918 и 1926–1929 гг.

⁶ *Лоссовски П.* Балтийские государства в 1918–1940 гг. С. 187.

⁷ Сегодня. 1926. 18 дек. № 286. С. 4. — Как отмечает Н. Н. Кабанов, в номере за 18 декабря «Сегодня» дала почти три десятка материалов, посвященных перевороту в Литве (*Кабанов Н.* Прибалтийский пасьянс. URL: <http://vesti.lv/news/pribaltiiskii-pasyuans> (дата обращения: 10.07.2018)).

⁸ *Fašistu apvērsuma mēģinājums Lietuvā* // *Sociāldemokrāts*. 1926. 18. decembris. N 286. 1. lpp; *Kauņa pēc apvērsuma* // *Rīgas Ziņas*. 1926. 18. decembris. N 287. 1. lpp.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 349.

¹⁰ *Антонс Балодис* (1880–1942) — латвийский дипломат и политик, в 1924–1928 гг. — посол Латвии в Литве.

¹¹ *Jēkabsons Ē. Valsts apvērsums Lietuvā 1926. gada decembrī: Latvijas sūtniecības Kauņā liecība* // *Latvijas vēsture*. 2015. N 1/2 (94/95). 119. lpp.

¹² *Кен О., Рупасов А.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. 2-е изд. М., 2014. С. 83.

¹³ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 5. Л. 21.

¹⁴ *Павлова М. С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016. С. 128–129.

¹⁵ Там же. С. 130; *Кен О., Рупасов А.* Западное приграничье... С. 83.

¹⁶ Советские дипломаты в документах использовали старое название Каунаса.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 349.

¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 145–146.

¹⁹ *Карлис Улманис* (1877–1942) — латвийский политический и государственный деятель, министр-президент (глава правительства) Латвийской Республики в 1918–1921 гг. До 1934 г. также занимал посты военного министра, министра иностранных дел, министра сельского хозяйства. Авторитарный правитель Латвии в 1934–1940 гг.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 349.

²¹ Там же. Л. 344.

²² 16 декабря 2016 г. на семинаре, организованном в Москве фондом «Историческая память» и приуроченном к 90-летию военного переворота 17 декабря 1926 г. в Литве, были представлены ранее не публиковавшиеся документы Каунаской резидентуры ИНО ОГПУ, освещающие внутреннее положение в Литве накануне переворота и ныне хранящиеся в Литовском особом архиве (*Lietuvos ypatingasis archyvas*).

²³ Краткая запись беседы 1-го секретаря Скалова с проф. Сметоной. 15.07.1926 // Литовский особый архив Ф. К-1. Оп. 49. Д. 820. Л. 122–123.

²⁴ Дневник Д. Э. Скалова. 19 декабря 1926 г. // Литовский особый архив. Ф. К-1. Оп. 49. Д. 826. Л. 205–218.

²⁵ Лидеры литовской христианско-демократической партии (*Lietuvos krikščioniškosios demokratijos partija*) (хадеки, как их именовали в документах) поддержали переворот 17 декабря и вошли в правительство вместе с Союзом литовских националистов (таутининками). В советских агентурных сведениях, которые собирались в течение 1926 г., хадеки определялись как партия, вполне готовая совершить «фашистский» переворот и взять власть. Особое внимание уделялось критике левого правительства — действующей власти, ведущей страну «к большевизму». См. об этом: К внутреннему положению Литвы. 10.05.1926 // Литовский особый архив. Ф. К-1. Оп. 49. Д. 826. Л. 48–49; Сводка агентурных материалов из Ковно. 24.12.1926 // Там же. Л. 242–246.

²⁶ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 5. Л. 145–146.

²⁷ Посол Латвии в Литве А. Балодис сообщал в Ригу из Каунаса, что в беседах, которые он провел с различными политиками и представителями дипкорпуса, также почти никто не отметил роль Польши в перевороте. См. об этом: *Jēkabsons Ē. Valsts apvērsums Lietuvā 1926. gada decembrī...* 120. lpp.

²⁸ *Юлиус Фридрих Сельямаа* (1883–1936) — эстонский журналист, политик и дипломат. В 1922–1928 гг. был послом в Латвии, в 1925–1926 гг. в Литве, в 1928–1933 — в Советском Союзе.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 346.

³⁰ *Стянонас Кайрис* (1879–1964) — литовский политик, социал-демократ, националист.

³¹ *Феликс Циеленс* (1888–1964) — латвийский юрист, писатель, политик и общественный деятель. В 1926–1928 гг. занимал пост министра иностранных дел. Член Латвийской социал-демократической рабочей партии (*Latvijas Sociāldemokrātiskā strādnieku partija*, далее — ЛСДРП).

³² *Бруно Калныньш* (1899–1990) — латвийский политик, один из ведущих членов ЛСДРП.

³³ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 340.

³⁴ Там же. Л. 388.

³⁵ *Адольф Кестер* (1883–1930) — немецкий государственный деятель и писатель, в 1923–1928 гг. — посол Германии в Латвии, позднее в Белграде.

- ³⁶ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 336, 340, 384, 388, 396.
- ³⁷ Там же. Л. 387.
- ³⁸ См. об этом: *Gierowska-Kallaur J. The Case of Vilnius. The Case of Klaipėda. Excerpts from Polish/Lithuanian Relations* // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2(10). С. 62–63.
- ³⁹ *Григонис Э. П.* Мемельский (клайпедский) вопрос в международно-правовых отношениях XX века // Мир юридической науки. 2013. № 4–5. С. 21.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 388.
- ⁴¹ Там же. Л. 387.
- ⁴² *Кришс Тютис (1874–1945)* — офицер, участник Первой мировой войны, в мирное время принимал участие в политической жизни Латвии, был депутатом 2-го Сейма от Национального объединения, президентом Национального клуба.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 341.
- ⁴⁴ *Арведс Бергс (1875–1941)* — латвийский политический деятель, юрист, издатель, предприниматель первой независимой Латвии. Возглавлял партию «Национальное объединение».
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 371, 391
- ⁴⁶ Там же. Л. 343.
- ⁴⁷ *Фрицис Мендерс (1885–1971)* — латвийский государственный и общественный деятель, один из представителей ЛСДРП, депутат 1–4-го Сеймов по списку от ЛСДРП.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 5. Л. 157–160.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2. Л. 371.
- ⁵⁰ Там же. Л. 387.
- ⁵¹ *Теофилс Рудзитис (1892–?)* — латвийский политик, депутат 1-го Сейма (1922–1925), член социал-демократической партии и партии меньшевиков (*Latvijas Strādnieku sociāldemokrātu tautsaimnieciskā partija* — Латвийская рабочая социал-демократическая партия меньшевиков).
- ⁵² АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 356–357.
- ⁵³ Там же. Л. 391.
- ⁵⁴ Военизированное формирование в Латвии в 1919–1940 гг., которое выполняло функции вспомогательных сил полиции.
- ⁵⁵ *Петерис Радзиньш (1880–1930)* — генерал Латвийской армии, в период с 1924 по 1928 г. — командующий Латвийской армией. Подполковник Российской Императорской армии.
- ⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 391.
- ⁵⁷ Там же. Л. 389.
- ⁵⁸ Там же. Л. 399.
- ⁵⁹ Переворот 17 декабря в Литве сразу стали именовать фашистским — этот термин употребляется и в донесениях советских дипломатов из Риги, и в агентурных материалах и записях советских дипломатов в Каунасе, и в латвийской прессе («Сегодня», «Sociāldemokrāts»). К этому времени уже была установлена диктатура в Италии, и термины «фашисты», «фашизм» стали общепотребимы для ультраправых переворотов и режимов, пришедших на смену левым правительствам.
- ⁶⁰ Сегодня. 1926. 18 дек. № 286. С. 4.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. Рига, 2005. С. 151.
- ⁶³ Сегодня. 1926. 18 дек. № 286. С. 4.
- ⁶⁴ *Повилас Плевавичюс (1890–1973)* — литовский государственный деятель, начальник штаба Литовской армии, организатор переворота 17 декабря 1926 г.
- ⁶⁵ *Lietuvā gatavojies lielieku apvērsums* // Rīgas Ziņas. 1926. 20. decembris. N 288. 3. lpp.
- ⁶⁶ *Kādu lomu Kaunas apvērsums var spēlēt Polijas-Lietuvas attiecību izveidošanā* // Rīgas Ziņas. 1926. 18. decembris. N 287. 1. lpp; *Militarapvērsums Lietuvā* // Rīgas Ziņas. 1926. 18. decembris. N 287. 10. lpp.
- ⁶⁷ *4 Nāvessodi Kauņā* // Rīgas Ziņas. 1926. 28. decembris. N 293. 3. lpp.
- ⁶⁸ *Militarapvērsums Lietuvā* // Rīgas Ziņas. 1926. 18. decembris. N 287. 10. lpp.

⁶⁹ *Антанас Меркис* (1887–1955) — литовский государственный деятель. Занимал пост министра обороны с 12 марта по 21 августа 1919 г., а также в кабинете А. Вольдемараса — с 17 декабря 1926 г. по 9 августа 1927 г. В 1927–1932 гг. был губернатором Клайпедского (Мемельского) края. Последний премьер-министр независимой Литвы (1939–1940).

⁷⁰ Литовский военный министр о перевороте // *Сегодня*. 1926. 21 дек. № 288. С. 4.

⁷¹ Профессор Вольдемарас о будущей тактике новой литовской власти // *Сегодня*. 1926. 21 дек. № 288. С. 5.

⁷² *Nacionalās diktaturas idejas uzvargājiens* // *Brīvā Tēvija*. 1927. 7. janvāris. N 80. 1. lpp.

⁷³ *Lietuvas militaris apvērsums* // *Sociāldemokrāts*. 1926. 19. decembris. N 287. 2. lpp.

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 5. Л. 164.

⁷⁵ См. об этом: История Латвии. XX век. С. 151–152.

⁷⁶ *Клавс Лоренцс* (1885–1971) — латвийский политик и общественный деятель. Депутат Рижской Думы (1922–1934) и Сейма (1922–1934). Был членом ЛСДРП, впоследствии основал Социалистическую рабоче-крестьянскую партию Латвии.

⁷⁷ *Ансис Бушевицс* (1878–1942) — латвийский политический деятель, член ЛСДРП, участник революции 1905–1907 гг. Депутат 1-го и 4-го Сеймов.

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 334–335.

⁷⁹ Там же. Л. 389.

⁸⁰ Там же. Л. 385, 389.

⁸¹ *Эдуардс Аїре* (1876–1933) — генерал латвийской армии (1926).

⁸² АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 2. Л. 390.

⁸³ Там же. Д. 5. Л. 158–159.

⁸⁴ Выписка из протокола № 112 заседания Коллегии НКВД от 11 октября 1926 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 19. П. 34. Д. 31. Л. 140.

⁸⁵ Там же. Оп. 18. П. 24. Д. 5. Л. 164.

⁸⁶ Там же. Л. 157–158. — См. также: Дневник С. И. Боркусевица. 06.01.1927 // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 19. П. 31. Д. 3. Л. 13.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 18. П. 24. Д. 5. Л. 164.

⁸⁸ *Маргерс Скуениекс* (1886–1941) — латвийский государственный деятель, в 1926–1928 и 1931–1933 гг. — премьер-министр Латвии.

⁸⁹ *Адольфс Кливе* (1888–1974) — латвийский политический и государственный деятель, депутат 1–3-го Сеймов, один из лидеров партии «Крестьянский союз».

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 19. П. 34. Д. 31. Л. 52.

⁹¹ Там же. Л. 148.

⁹² Там же. Л. 154. — Вопрос о создании смешанных обществ прорабатывался как до заключения советско-латвийского торгового договора, так и позднее, когда стоял вопрос о его ратификации со стороны Латвии. Предполагалось, что «привлечение в эти общества видных фигур из делового и политического мира Латвии... облегчит прохождение ратификации договора» (Выписка из письма Стомоныкова Микояну. 3 августа 1927 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 19. П. 34. Д. 31. Л. 189).

⁹³ Донесение торгпреда в Латвии Шевцова А. И. Микояну от 29 июня 1927 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 19. П. 34. Д. 31. Л. 127; Донесение А. И. Микояну от 17 июня 1927 г. Запись разговора с Кливе // Там же. Л. 117–122.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Михайлова Ю. Л. Переворот 17 декабря 1926 года в Литве в беседах советских и латвийских дипломатов и политиков: взгляд из Риги // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 598–612. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.304>
УДК 94(481).082

Аннотация: Статья посвящена анализу того, как в беседах советских и латвийских дипломатов и политиков были отражены события 17 декабря 1926 г. в Литве, когда на смену парламентскому режиму

путем государственного переворота пришел новый — авторитарный режим А. Сметоны. Сотрудники советского полпредства в Риге составляли записи бесед для своевременных отчетов о текущей политической обстановке в Латвии в связи с переворотом. Основные обязанности по выяснению обстоятельств событий в Литве в этот период легли на поверенного в делах в СССР в Латвии С. И. Боркусевича и генконсула В. И. Шеншева, что отражено в записях бесед с представителями различных латвийских политических кругов, выполненных генконсулом, а также в донесениях в НКВД. Упомянутые материалы показывают, что советские дипломаты в обстановке крайней неопределенности и нехватки достоверной информации о произошедшем стремились, во-первых, выяснить, произошел ли переворот в Литве при «иностранном влиянии» (обсуждалась возможность польского и немецкого вмешательства), во-вторых, понять настроения представителей разных политических партий Латвии, в том числе ультраправых, чтобы представлять, насколько реальной становится возможность подобного правого переворота в самой Риге, особенно в условиях, когда к власти в Латвии только что пришли социал-демократы. Записи бесед отражают как отношение различных представителей политического спектра Латвии к литовскому перевороту, так и сложную международную ситуацию. События 17 декабря 1926 г. в Литве оказали влияние на формирование советской политической линии в Латвии. В ходе переговоров, которые велись с левоцентристским правительством Латвии о заключении торгового договора, советская сторона в то же время вынуждена была ориентироваться и на правую оппозицию — представителей Крестьянского союза Латвии. Торговый договор с Латвией был заключен 2 июня 1927 г., определенные выгоды от него получили в том числе представители этой партии. Таким образом, уроки из событий в Каунасе на тот момент были извлечены.

Ключевые слова: Литва, переворот 17 декабря 1926 г., А. Сметона, советско-литовские отношения, советско-латвийские отношения.

Сведения об авторе: Михайлова Ю. Л. — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия); michailova@list.ru

FOR CITATION

Mikhailova Yu. L. 'The coup of December 17, 1926 in Lithuania in the Talks of Soviet and Latvian Diplomats and Politicians: a View from Riga', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 598–612. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.304>

Abstract: The author analyses the reflection of the events of December 17, 1926, in Lithuania in the conversations of Soviet and Latvian diplomats and politicians. Soviet diplomats (charge d'affaires S. Borkusevich, consul general V. Shenshev) usually compiled a record of interviews for timely reports on the current political situation in Latvia and when the coup had occurred carried out the records of conversations with representatives of various Latvian political circles in connection with Lithuanian events. These materials were written in an atmosphere of extreme uncertainty and lack of reliable information, based even on gossips. Soviet diplomats, first, sought to find out whether the coup had been mounted under "foreign influence" (the possibility of Polish and German influence was discussed) and, secondly, to realize if the risk of a similar "far right" coup was real in Riga, especially when left cabinet had just come to power. The reports that were sent to Moscow (People's Commissariat of International Affairs) demonstrate both the attitude of various representatives of the political spectrum of Latvia to the Lithuanian coup and the complex international situation. The events of December 17, 1926, in Lithuania influenced the formation of the Soviet policy in Latvia. During the negotiations conducted with the center-left government of Latvia on a trade agreement the Soviet side had also take into account interests of the right-wing opposition — representatives of the Peasants' Union of Latvia. A trade agreement with Latvia was concluded on June 2, 1927, and the representatives of the Peasants' Union gained certain benefits — thus, certain lessons from Lithuanian coup were drawn.

Keywords: Lithuania, the coup of December 17, 1926, A. Smetona, Soviet-Lithuanian relations, Soviet-Latvian relations.

Author: Mikhailova Yu. L. — Candidate of History, Research Fellow, Institute of Word History of Russian Academy of Sciences; Research Fellow, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia); michailova@list.ru

References:

- Bleiere D., Butulis I. et al. *Istoria Latvii. XX vek* (Riga, 2005).
- Gierowska-Kałuża J. 'The Case of Vilnius. The Case of Klaipėda. Excerpts from Polish/Lithuanian Relations', *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 2(10), 2016.
- Grigonis E. P. 'Memelskiy (klaypedskiy) vopros v mezhdunarodno-pravovykh otnosheniyakh XX veka', *Mir yuridicheskoy nauki*, no. 4–5, 2013.
- Jēkabsons Ē. 'Valsts apvērsums Lietuvā 1926. gada decembrī: Latvijas sūtniecības Kauņā liecība', *Latvijas vēsture*, no. 1/2 (94/95), 2015.
- Ken O., Rupasov A. *Zapadnoye prigranichye. Politbyuro TSK VKP (b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami. 1928–1934*, 2nd ed. (Moscow, 2014).
- Kossowski P. 'Baltiyskiye gosudarstva v 1918–1940 gg.', *Strany Baltii i Rossiya. Obshchestva i gosudarstva*, Eds D. Ye. Furman, E. G. Zadorozhnyuk (Moscow, 2002).
- Pavlova M. S. *Litva v politike Varshavy i Moskvy v 1918–1926 gg.* (Moscow, 2016).